

И-и вернулся после обеда, но только вечером, когда они закрыли заведение, он рассказал Тань Чжифэну и остальным о своих находках. Как и говорили те два чиновника, первым, кто подвергся нападению, был чиновник по имени Ван Яочэнь. Этот господин Ван был очень талантлив, он стал лучшим на экзаменах пятого года эры Тяньшэн. До начала войны между Сун и Ся он занимал должность чжичжи-гао и был одним из самых молодых академиков Ханьлинь, высоко ценимым Государем.

В начале этого года, когда Великая Сун и Западное Ся начали войну, он был назначен уполномоченным по делам умиротворения в Шэньси и отправился на северо-запад, чтобы управлять военными и гражданскими делами и успокаивать народ. Недавно военные действия на северо-западе несколько утихли, и Государь отозвал его в столицу, приказав составить доклад о том, что он видел на пограничье, чтобы подготовиться к следующему этапу обороны.

— По-моему, у этого господина Вана есть своё мнение о делах на пограничье, — медленно произнёс И-и, сидя за столом и обращаясь к Тань Чжифэну, Чжочжо и Чанчан, что сидели напротив. — Я слышал от учёных, что перед тем, как занять пост уполномоченного по умиротворению, он просил Государя освободить Гуаньчжун от налогов на два года, чтобы успокоить народ и объединить его с солдатами для отпора вторжению Западного Ся.

Видя, что все трое слушают его с недоумением, он сделал небольшую паузу и продолжил:

— Теперь, когда он вернулся из Шэньси, он постоянно подаёт доклады, анализируя сильные и слабые стороны Великой Сун и Западного Ся, а также рекомендует многих способных военачальников. Думаю, люди Западного Ся его сильно ненавидят.

— Хватит уже, — нетерпеливо спросила Чжочжо. — Что в тот день в итоге произошло?

— Насколько мне известно, это было больше десяти дней назад. Кто-то ворвался в его дом с целью убийства, но так уж случилось, что господин Ван в ту ночь до поздней ночи писал доклад и не был в своей спальне. Его личный слуга пошёл в спальню, чтобы принести ему постельное бельё, и столкнулся с преступником. Этот слуга служил с ним на северо-западной границе и немного владел боевыми искусствами, но преступник, очевидно, был сильнее. Как только они сошлись в бою, слуга был зарезан. Однако это всполошило слуг в доме, и они все бросились на помощь. Преступник не стал затягивать бой и сбежал. Конечно, перед уходом он каким-то образом выпустил этот проклятый дым.

— А ты уверен в том, что говоришь? — с сомнением посмотрела на И-и Чжочжо. — Звучит так, будто ты это из какой-то книжки вычитал.

— Хочешь верь, хочешь нет, — И-и бросил на неё взгляд. — Я слышал это от его кухарки. Она своими глазами видела, как человек в чёрном выбежал из дома...

Тут его лицо слегка изменилось. Несколько дней назад, когда он делал покупки, он столкнулся с этой назойливой кухаркой. Кто бы мог подумать, что эта женщина так к нему привяжется и всё время будет просить отвести её в развлекательный квартал семьи Сан посмотреть представление...

— Тань Чжифэн! — вдруг гневно воскликнул И-и, сильно ударив по столу, чем напугал Тань Чжифэна, который был погружён в свои мысли. Он не понимал, почему в глазах И-и горит огонь гнева. Он смутно догадывался, что получение этой информации было нелёгким, но даже представить себе не мог истинную причину.

Глядя на растерянные глаза Тань Чжифэна, И-и, казалось, разозлился ещё больше. Он вскочил

и, указывая на Тань Чжифэна, сказал:

— Я больше никогда не буду делать для тебя эти глупости!

Хотя Чжочжо не очень верила рассказу И-и, Тань Чжифэн счёл его вполне логичным, и он полностью совпадал с разговором, подслушанным им сегодня утром в таверне.

Что касается второго дела, он начал подумывать, что раз уж И-и не хочет браться за него, возможно, он сможет уговорить Чжочжо отправиться в восточную часть города, пообещав ей гребень из белого нефрита и рога, о котором она в последнее время постоянно твердила.

Однако на следующий день И-и всё же с мрачным лицом вышел из дома и вернулся с нужной Тань Чжифэну информацией: второй жертвой покушения стал Ду Янь, занимавший в то время пост заместителя главы военного ведомства. Эта должность предполагала управление всеми важными военными делами. К тому же, несколько лет назад Ду Янь был военным губернатором Юнсин, а затем исполнял обязанности главы Управы Кайфына, пользуясь большой любовью жителей Кайфына, которые называли его господином Ду.

В последнее время он уделял пристальное внимание войне между Сун и Ся и, по слухам, постоянно изучал доклады пограничных генералов о тактике нападения и обороны. Хотя ему было уже за шестьдесят, и он занимал высокий пост, он оставался усердным и скромным, и в его доме было совсем мало слуг. Возможно, именно поэтому злоумышленник, ещё не успев выяснить, в какой комнате спит пожилой господин, потревожил ночного сторожа. Старый слуга поспешил на шум, чтобы проверить, что случилось, но пал от руки преступника.

Крики сторожа разбудили слуг и соседей, но им не удалось схватить убийцу, который, как и в прошлый раз, отбежав на несколько шагов, выпустил серо-белый дым. На этот раз многие в окрестностях внутреннего города видели это, но когда императорская гвардия пришла для допроса, им было приказано никому не говорить о появившемся в небе иероглифе «Ся».

Выяснить подробности этого второго дела не стоило И-и больших усилий, потому что слухи об этом уже распространились по всем улочкам внутреннего города. Особенно после того, как в храме Тяньцин произошло похожее преступление, что ещё больше встревожило людей. И-и подытожил:

— Вот увидишь, не пройдёт и двух дней, как весь Кайфын будет полон слухов, а в сердцах людей воцарится хаос.

Слова И-и ещё больше удручили Тань Чжифэна. Он нахмурился и сказал:

— Эти два господина — ключевые фигуры при Государе, хорошо осведомлённые о военных делах Западного Ся. Если, не дай бог, начнётся война, а чиновники в столице будут бояться за свою жизнь, кто тогда осмелится разрабатывать стратегию для Великой Сун?

— Но мне почему-то кажется... — вдруг вставила Чжочжо, — что в храме Тяньцин умерла женщина. Кажется, богатая госпожа? По имени Сан... как-то там Сан?

— Сан Сыцзюнь, — сказал И-и. — А вот кто она такая, выяснить будет не так-то просто. В храм Тяньцин не всякий может войти. Они никогда не раскрывают посторонним информацию о людях, которые там живут и занимаются духовными практиками.

Похоже, он уже ходил в храм Тяньцин, но ничего не узнал. Тань Чжифэн подумал и сказал:

— Хорошо, будем выяснять потихоньку. — Затем он встал, взял со стойки лист бумаги и кисть, написал на бумаге «один», а потом спросил И-и: — В какой день было нападение на дом господина Вана?

— Хм, — И-и задумался на мгновение. — Думаю, примерно десятого числа первого месяца. Эта проклятая женщина сказала, что ещё не наступили малые холода, и долго ныла мне о том, как управляющий семьи Ван снова и снова напоминал ей, чтобы через три дня она хорошо запечатала погреб с овощами и корнеплодами, и прочую ерунду.

— Тогда будем считать, что это было девятого числа первого месяца, — Тань Чжифэн серьёзно записал это на бумаге, а затем рядом добавил имя и должность Ван Яочэня.

— Следующее — это день перед тем, как мы все вместе ужинали — двадцатое число первого месяца. Это я помню. — Сказав это, он ниже написал «два», а затем, по образцу предыдущей строки, записал дату, имя и должность Ду Яня.

— Братец Чжифэн, давай я напишу следующую строчку! — Чанчан с энтузиазмом взял кисть, которую отложил Тань Чжифэн, и написал «три». Он с удовлетворением посмотрел на свой иероглиф, а затем, подняв голову, спросил: — Что писать дальше?

— Дальше... — Тань Чжифэн задумчиво посмотрел на горящие в стене дрова и тихо сказал: — Да, что же писать дальше? Дата — двадцать первое число первого месяца, имя — Сан Сыцзюнь, но то, чего мы не знаем, и есть самое важное...

Чанчан выводил иероглиф за иероглифом, но вскоре замер. Он не знал, как пишется иероглиф «Сан», но почему-то ему очень захотелось спать. Он отложил кисть, свернулся калачиком и, ничего не соображая, уснул в своём цветочном горшке.

Тань Чжифэн увидел, как И-и, Чжочжо и Чанчан исчезли у него на глазах. Он глубоко вздохнул, вытащил из-под одежды подвеску-каплю и стал мягко перебирать её в руках.

— Инлун, — сказал он, — ты ведь защитишь меня, правда?

* * *

Храм Тяньцин был одним из четырёх великих монастырей Кайфына. Остальные три — это храм Дасянго, храм Кайбао и храм Тайпин Синго. Храм Тяньцин располагался на юго-востоке Кайфына, перед ним протекала река Хуэйцзи, а за ним возвышалась терраса Чуй. Здесь изначально была естественная возвышенность под названием терраса Фань. Во времена Поздней Чжоу люди, вероятно, сочли это место благословенным и построили здесь этот величественный храм.

Тань Чжифэн когда-то слышал от Чжоу Яньцзина, что храм Тяньцин превосходит другие монастыри обилием цветов и деревьев и красотой пейзажей. Особенно весной он становился излюбленным местом жителей Кайфына для загородных прогулок.

Сейчас была глубокая зима, к тому же ночь, но Тань Чжифэну всё равно было нетрудно представить, глядя на эти величественные храмовые постройки и ровные ряды ив и целые рощи персиковых и сливовых деревьев, какая здесь через несколько месяцев будет трогательная весенняя картина с ясным голубым небом, белыми облаками и буйством ярких красок.

Он не ожидал, что в храме всё ещё будет гореть свет. Высокая барабанная башня только что

пробила ночную стражу, и звук, раскатываясь в ночном небе, делал окружающую тишину ещё более глубокой. Он осторожно поднялся по боковой лестнице на возвышенность и, обернувшись, увидел как на ладони окрестности Кайфына. Спешащие по своим делам люди сновали по близлежащим улицам, словно челноки, и это зрелище было весьма впечатляющим.

Тань Чжифэн мысленно восхитился: «Какое прекрасное место для буддийской практики! Жаль только, что жизнь и духовный путь женщины по имени Сан Сыцзюнь так внезапно оборвались несколько дней назад».

Тань Чжифэн не знал, сможет ли он раскрыть эту тайну, но он знал, что ради Сюй Ганя он должен попытаться, чего бы это ему ни стоило, иначе он не успокоится.

Он отступил на несколько шагов, слегка активировал духовную силу в своём теле, одним шагом взобрался на высокую стену двора, ухватился за край и перемахнул через неё. Под ногами была сухая трава, он приземлился, не издав ни звука. Вдалеке мерцали ряды фонарей перед храмом, и он даже мог смутно слышать, как монахи читают вечерние молитвы.

Во дворе не было ни души. Тань Чжифэн пошёл вдоль стены за главный зал. Ровные дорожки из синего камня вели в неизвестном направлении, и он не осмеливался ступить ни на одну из них. Он продолжил идти по тропинке вдоль стены, и вскоре впереди показались ряды келий. В кельях было темно, похоже, большинство монахов сейчас молились в переднем зале.

В какой же из этих келий жила Сан Сыцзюнь? Тань Чжифэн смотрел на эти одинаковые домики из серого кирпича и черепицы и не знал, с чего начать поиски.

Храм Тяньцин был невелик, и Тань Чжифэн быстро дошёл до его конца. Перед ним раскинулась вечнозелёная бамбуковая роща. Он с недоумением огляделся по сторонам и уже собирался наобум заглянуть в одну из келий, как вдруг сквозь бамбук, в ярком свете луны, он смутно увидел, как на нескольких высоких стенах ровная черепица отражает свет от лежащего в роще снега.

<http://bllate.org/book/14942/1323845>